

Чёрная Грязь

Здесь, ближе к вечеру 15 октября 1833 года, А.С.Пушкин достал из своего багажа книгу Радищева и приступил к чтению...

Считается, что своим названием эта деревня обязана небольшой здешней речке – левому притоку реки Сходни. Однако местные краеведы – в пику этой тривиальной версии – утверждают, что такое название селению дала сама Екатерина Вторая, которая, выйдя из кареты, нечаянно вступила своими башмаками в грязь. И поскольку эта грязь, на фоне белоснежных екатерининских ног, показалась чересчур черной, то и деревню с того времени стали именовать соответственно. А так, поверьте, грязь как грязь. И не спрашивают у нас – какая она? Спрашивают – много ли?

В этой деревне имелось большое станционное здание, построенное в XVIII веке, которое называли Путевым дворцом. Для обслуживания проезжающих на станции содержалось до 100 лошадей. Во второй половине XIX века в этом здании была открыта земская лечебница – ныне черногряжская больница Солнечногорского района. В исторической литературе сообщается, что под ямом Черная Грязь стоял в сентябре 1812 года авангард русского отряда генерала Ф.Ф.Винценгероде во главе с полковником В.Д.Иловайским. И не просто стоял, а напал на французский корпус Э.Богарнэ и, как мог, громил его. Вот как! Кстати, *ямом* называли в старину стан на большой дороге, где происходила смена лошадей.

А еще примечательна Черная Грязь тем, что у москвичей когда-то существовала традиция провожать уезжающих в Петербург или за границу до Черной Грязи. Но сейчас об этом уже никто не помнит и потому, куда бы ты из Москвы не отправлялся, провожают в лучшем случае – до лифта.

Для современного путешественника Черной Грязи как таковой не существует. Ее проглотила современная трасса, которая перед тем развела селение на две части. Если когда-то путник, выехавший утром из Тверской заставы, к Черной Грязи подъезжал лишь после полудня,

то сейчас, если нет автодорожной пробки, от площади Маяковского до этой деревни можно доехать за тридцать-сорок минут. Причем саму деревню можно не заметить.

Выезжающий из Москвы не успел еще войти в дорожный ритм и набрать скорость; подъезжающий к Москве, наоборот, находится в предвкушении окончания пути и торопится проскочить в столицу. Радищев – не исключение, и, видимо, поэтому Черной Гязи он уделил в своей книге меньше страницы, успев все же заметить здесь *«изрядный опыт самовластия дворянского над крестьянами»*. Словом, это, с одной стороны, уже не Москва, а с другой – еще не Москва. Где-то здесь происходит соприкосновение одной России, представленной агрессивным мегаполисом, с другой – представляющей, пожалуй, все остальное. Это соприкосновение не стык и не взаимопроникновение, а, скорее, наступление одной на другую. Современники наши придумали слово еще удачнее – «наезд». Точнее, не придумали, а сумели внести в это слово эвристический смысл. Наезжает, конечно, та Россия, о которой исстари не устают говорить, что она Новая, Молодая, Бу-

душая... А другая и не спорит, молча живет себе, щелкает семечки и как бы говорит: «Ну-ну!»

И действительно, сколько лет прошло, сколько веков – все наступает, наступает, теперь вот – «наезжает», а дошла лишь до Черной Грязи...

– В Москве часто бываете? – спрашиваю у пожилой женщины.

– А чего нам туда ездить? – отвечает. – Это они сюда едут.

На автобусной остановке ни о Радищеве, ни о Пушкине, ни о самой деревне мне ничего ответить не смогли. Сам вопрос, на фоне мчащегося мимо потока автомашин и дикого шума от них, выглядел для людей неожиданным и, скорее всего, нелепым. Ну какой здесь Радищев? Какой еще Пушкин? Люди торопятся на работу в Москву...

Утром, по направлению к столице, движение очень интенсивное, часто создаются дорожные пробки. Такое же движение вечером, только в обратную сторону. Огромный город, как бы с утра вдыхает, а вечером выдыхает потоки автомашин. Здесь невозможно вообразить себе то спокойствие, тишину и размеренность, которые присутствуют в книгах наших путешественников.

Дальше, вдоль дороги, можно видеть частые вывески: «Гриль», «Кафе», «Бар», «Еда», «Горячие сосиски», «Шашлыки»... Все это написано небрежно, от руки, на какой-то фанере, а сами «кафе» расположились в таких же неприглядных киосках, будках, вагончиках, и оттого доверия ко всей этой «еде» нет никакого. В таких же вагончиках магазины «Запчасти для автолюбителей». Сейчас, правда, вокруг Москвы появляются заведения более цивилизные и комфортабельные. Новые, с импортным оборудованием, автозаправочные, при них – кафе и даже гостиницы.

Проезжающие по трассе всякий раз пристально вглядываются в странные эклектические новостройки – огромные дома, почти замки, в которых будут жить или уже проживают «новые русские». Конечно же, тема эта без конца обсуждается.

В конце 80-х – начале 90-х стали водиться у людей деньги, в том числе и так называемые «легкие». Это немалые средства, заработанные на различных разовых товарно-финансовых операциях в особую политэкономическую эпоху, которая, как и сами деньги, тоже была

разовой. И, хотя длилась эта эпоха недолго, денег у иных товарищей, ставших с того же времени именоваться господами, появилось множество, как и самих «господ». Особенно при Москве.

Я никого не порицаю уже потому, что сам не принадлежу к их числу лишь из-за того, что ничего толком делать не умею. Ведь люди сначала учились, потом трудились, напрягали свои головы и от многого отказывались. Конечно, были и такие, кому что-то перепало еще от старой советской эпохи, иной что-то купил и тут же продал, а кто-то помог подписать важную бумажку, оформить справку, договориться о встрече, свел кого надо с нужным человеком и так далее. Это в стабильное время на то, чтобы построить дом, может уйти жизнь. А бывают времена, когда через все это можно перескочить. И вот вчерашний неприметный товарищ и никудышный семьянин становится господином с деньгами. Появляется костюм, прическа, ботинки; затем дорогая импортная машина, отделяется квартира (евроремонт), покупается дорогая мебель, видеоаппаратура... Он начинает совершать семейные походы не только в супермаркеты и дорогие магазины, но и за рубеж, заказывая престижные морские круизы в дорогих каютах. А еще, чего-то наслушавшись в былой жизни, он решает обзавестись недвижимостью. Причем, это все делается быстро, с учетом изменчивости климата в стране, непредсказуемости душенстроений граждан, тяги общества к постоянному совершенствованию и улучшению политической системы и прочего, что может круто изменить или даже разрушить целеустремленную биографию. Словом, надо строить дом. Ну а дом следует строить основательно и в соответствии с окружающей действительностью, весьма и весьма суровой. Здесь если возводить стены – так потолще, окна ставить – небольшие и немного, а двери – помассивнее... И вот, уже мы видим странные архитектурные формы, с окнами, похожими на бойницы, с какими-то башенками и ротондами, и все окружено таким же мощным забором. Внутри дома желательны хотя бы минимальные удобства: сауна, два-три туалета, пара ванн комнат, и хорошо бы с джакузи, стараются также иметь камин. Ну а остальное – как у всех: спальни, кухни, столовые, комнаты отдыха, иные не прочь занять бильярдную. Хорошо бы такому дому находиться где-нибудь у реки, на участке

гектаров в двадцать-тридцать. Но приходится строить на нескольких сотках, и хорошо, когда их пятнадцать. Оттого создается представление скученности таких домов.

Так наша суровая частная жизнь неизменно отражается в архитектуре новых частных построек, которые все отчетливее приобретают вид средневековых конструкций. Так вот, даже описывать все это – нелегкий труд. А каково строить?

Представляете себе поле или лес? Туда нужно подвести газ, электричество, воду, канализацию и прочее, что на казенном языке именуется «инфраструктурой». А кто за этим всем станет ухаживать, следить за чистотой и порядком? Кто будет охранять?

Но осознание всех перечисленных объективных и субъективных трудностей приходит не сразу, и даже не после первого крупного взноса в строительство будущего дома, а чуть позже. Обычно это происходит вслед за очным знакомством с отечественной домостроительной культурой и ее яркими представителями. То есть тогда, когда отступать уже некуда. Тогда же начинают терзать и первые сомнения в предприятии, и откровения, что подобного рода вложения в недвижимость есть даже не омертвление денег, но сплошная их трата. Вся эта недвижимость, оказывается, сама требует постоянных расходов: всё, что окружает тебя (живое и неживое), то по очереди, а то одновременно вдруг начинает вопить: «Дай!» И надо давать, потому как – только чего-то запустишь, махнешь рукой – посыплется всё, что можно, а тогда беги – куда глаза глядят! Я знаю добрых и милых людей, которые, построив такой дом, с грустью признаются, что на жизнь в нём у них уже нет ни средств, ни здоровья. Проще, конечно, в какой-нибудь германской деревне. Ей, может, тысяча лет, может, больше, и там водопровод, канализация и все прочие жизнеобеспечивающие системы работают безотказно, потому что сложились воедино в результате вековых отношений, которые и формируют такое понятие как Город. Там и пожарным, и мусороуборочным, и прочим службам много веков. Войны прошли, революции и иные потрясения, прежде чем выработались такие мелочи, как культура быта, культура обитания и прочие, неведомые нам культуры. У нас же все эти этапы хотят пройти за пару месяцев и даже

быстрее. Так, запросто, выбили участки под застройку, бросили клич страждущим, когда немного набралось – свистнули строителей... Те приехали, взяли лопаты, навезли кирпича, начали строить... Закончили строить, убрали мусор. Заехали, стали жить... Думаете, получится?

Вот и стоят во множестве вокруг Москвы недостроенные, незаселенные, необитаемые дома-коробки – омертвевшая надежда на цивилизованный образ жизни. Их пытаются продать, хотя бы за те же деньги, да кто же купит мертвое? А ведь мы не затрагиваем более специфические моменты, связанные с домостроительным бумом.

Рассказывают, что много недостроенных домов из-за того, что их заказчики куда-то делись. Одних застрелили, другие сами кого-то постреляли и теперь в бегах, третьи разорились и им не до новостроек, а четвертые такие деньжищи сделали, что жить им в этих широтах просто не к лицу. Помню, показали мне в одной из здешних придорожных деревень только что отстроенный небольшой четырехэтажный замок. Еще, сказали, в нем столько же этажей под землей. Дом этот с маленькими зарешеченными окошечками и двумя башенками, куда так и просятся пара пулеметов, стоял на небольшом участке, где кроме него находилась еще и старая изба. Мне объяснили, что некие господа из какой-то фирмы заключили с добродушным владельцем участка договор, по которому эта фирма, в обмен на предоставление территории, передаст ему через три года все права на владение этим скромным четырехэтажным домиком. Фирма, сказали, такая, что больше чем на три года ей контора не нужна... Договор был подписан, и вскоре на десяти сотках, рядом с покосившейся избой хозяина участка, появился четырехэтажный особняк фирмы. После этого соседи если и здороваются со «счастливым», то смотрят на него как-то обреченно и почему-то совсем без зависти. Да и он, надо сказать, ведет себя, как заболевший СПИДом, хотя до окончания действия договора еще остается год с небольшим. Говорят даже, что он уже уехал куда-то, и с концами.

Ну а пока – мы проезжаем мимо недостроенных домов, современных несостоявшихся поселков и необустроенных инфраструктур. Проезжаем мимо деревни Дурыкино, где наши великие путешественники не останавливались...